

Когда общественные слушания подошли к концу, в главном зале Резиденции регента царил полный кавардак: всюду валялись объедки, пустые чашки и тарелки. Простолюдины и купцы со слезами на глазах благодарили судьбу и расходились, а чиновники Министерства общественных работ, уткнувшись носами в свитки, торопливо приводили в порядок только что собранные первичные данные по ирригации. На лицах каждого из них ещё не до конца улеглось выражение потрясения.

Чжань Сюйтань по привычке разгладил воротник своего одеяния с вышитыми питонами, выпрямил стройную фигуру и гордо замер на месте. Его острый взгляд по привычке устремился по сторонам — в поисках тех самых привычных длиннофокусных объективов и вспышек.

Окинув взглядом просторное помещение, он обнаружил лишь массивные, устремлённые ввысь резные красные колонны да испуганных слуг, которые приседали на корточках в дальних углах, собирая осколки чашек и остатки остывшего чая.

Чжань Сюйтань невольно хмыкнул и потёр ноющие виски. Он уже некоторое время странствовал в Великом Ся, но всякий раз после подобных политических триумфов, когда соперники оказывались полностью раздавлены, старая профессиональная привычка брала своё: первой мыслью неизменно было посчитать охваты прайм-тайма вечерних новостей.

Опустив взгляд, он посмотрел на молодого летописца, который в этот момент яростно скрипел кистью по бумаге. Рука юного евнуха слегка подрагивала — очевидно, его до смерти напугал сегодняшний беспрецедентный формат обсуждения государственных дел.

Заложив руки за спину, Чжань Сюйтань чуть подался вперёд, наклонился над листом бумаги, исписанным стенограммой совещания, и вполне серьёзно произнёс:

— Сяо Дэцзы, запомни: потом изобрази меня на портрете как можно более бравым.

Рука летописца дрогнула, и жирная клякса тяжело шмякнулась прямо в центр листа.

Сяо Дэцзы поднял голову, и во влоге его читались полнейшее недоумение и страх.

— Раб столь тупописен... Осмелюсь спросить Ван, что означает это слово — изобразить?

— Неужели Ван желает, чтобы раб велел придворным живописцам заново написать ваш священный лик?

— Или... нужно побить за это ладонями?

Уголки ртов Чжань Сюитаня яростно дёрнулись.

— То, что я сказал, вовсе не значит, что ты должен бить меня, и живописцы здесь тоже ни при чём.

Помолчав секунду, Чжань Сюйтань был вынужден подобрать объяснение, понятное людям древности.

— Иными словами... как следует задокументировать сегодняшнее мудрое решение вашего покорного слуги, чтобы будущие поколения знали о нём.

— Вот оно что.

Летописец словно гору с плеч сбросил и поспешно опустил голову.

— Будьте спокойны, Ван, раб в точности запечатлеет сегодняшние события и прославит вашу мудрость.

В другом конце зала неподвижно стоял Хэ Чанвэй. Слушая сегодняшние общественные слушания, во время которых в самое ядро принятия решений вовлекли нищих и бродяг, он испытывал бурю эмоций. Никаких пустых рассуждений о высоком долге монарху и Поднебесной — опираясь лишь на точные цены товаров и реальный опыт ремесленников, они умудрились всего за полдня разложить по полочкам застрявший мёртвым грузом проект расчистки русел.

Этот зрелый мужчина с циничным нравом, рассуждающий лишь о выгоде, за своими грязными методами скрывал истинный талант государственного деятеля, способного перевернуть весь уклад феодального строя.

Глядя на эту чёрно-красную фигуру посреди зала, Хэ Чанвэй впервые поймал себя на мысли, что больше не может воспринимать Чжань Сюйтаня просто как тирана, упивающегося властью.

Этот человек был надменен, деспотичен, плевал на древние традиции, и многие его поступки казались совершенно неприемлемыми.

И тем не менее, каждая его безумная идея в конце концов доказывала свою правоту на практике.

Это внутреннее противоречие тревожило Хэ Чанвэя сильнее любых придворных споров.

Он не хотел признавать, что некоторые из его незыблемых убеждений прямо сейчас, кусочек за кусочком, рушатся под натиском человека, от которого он меньше всего ожидал подобного.

Пока он погрузился в раздумья, на него внезапно легла тяжёлая тень.

Чжань Сюйтань уверенным шагом приблизился, умело пользуясь преимуществом своего высокого роста.

Между ними всё ещё оставалось расстояние, но Хэ Чанвэй отчётливо ощутил властную ауру, присущую лишь тем, кто находится на вершине власти.

Чжань Сюйтань слегка наклонил голову, и короткие волоски его бороды коснулись того особенного, сдержанного аромата зрелого мужчины. В его глубоких глазах мелькнула игривая искра, лишённая, впрочем, какого-либо принуждения.

— Господин Хэ, вы так увлечённо наблюдали — неужели считаете сегодняшнее выступление вашего покорного слуги на слушаниях просто безупречным? — голос Чжань Сюйтаня звучал низко, с ленцой и толикой иронии, свойственной уставшим от офисной рутины людям из другого мира. — Жаль только, при дворе мне не выдали пару репортёров с камерами, иначе сегодняшнее величие непременно попало бы на первые полосы всех газет и вошло бы в века.

Странные, незнакомые слова — камера, репортёр, первые полосы — были совершенно непонятны Хэ Чанвэй, но при этом он отчётливо чувствовал тепло чужого дыхания у самого уха.

Заметив насмешливый взгляд мужчины и ощутив легкое, почти невесомое покалывание аккуратно подстриженной щетины у себя на подбородке, Хэ Чанвэй покрылся густым румянцем.

Острая смесь стыда и гнева всколыхнулась в душе. Хэ Чанвэй резко оттолкнул Чжань Сюйтаня, судорожно прижимая к груди отчёт Министерства финансов, и от напряжения его голос прозвучал хрипло:

— Чжань Сюйтань! Мы входим в государственное учреждение, вокруг люди, прошу вас вести себя приличнее.

Бросив эти слова и даже не пытаясь поправить растрепавшиеся зелёные одежды, Хэ Чанвэй схватил бумаги и бросился бежать, словно спасаясь от погони. В его осанке, обычно прямой как струна, теперь читалась неуловимая паника.

Чжань Сюйтань не стал бросаться в погоню. Оперевшись подбородком на руку, он медленно провёл пальцами по колючей щетине.

Его глубокие глаза излучали лукавое торжество охотника, уверенного в своей победе, пока он провожал взглядом удаляющуюся зелёную фигуру, пока та окончательно не скрылась из виду.

— Маленький сухарь, а к новым порядкам Новой политики ты привыкаешь быстро. Что ж, впереди ещё немало споров при дворе, и у меня полно времени, чтобы вести с тобой долгие дискуссии и постепенно наблюдать, как рушатся твои старые предрассудки.

<http://bllate.org/book/20997/2134888>